

КАРМЕН АМАЙЯ, ИЛИ ТАНЕЦ ОГНЯ

Я чувствую,
как в жилах у меня,
расплавив сердце раскаленной страстью,
струится ток багряного огня.

Ф. Гарсиа Лорка.
Смуглая песня

Если всю красоту, обворожительность, огненную страсть танца фламенко понадобится выразить одним именем, то этим именем, несомненно, будет Кармен Амайя.

Леопольд Стоковский (1882–1977), известный американский дирижер, чье выступление совпало с выступлением Кармен, после представления, пожимая ей руку, воскликнул:

«Какой дьявол двигает вашим туловищем?!»

Тайна, которая не раскрыта до сих пор!

Единственный случай в истории танца фламенко, когда танец родился и умер вместе с танцовщицей, для которого она была рождена судьбой.

Она родилась в ноябре 1913 года в барселонском квартале Соморростро в одном из барачков, вблизи пляжа, во время ливня и шторма на море. Ее чудесный танец, рожденный под ритм волн бушующего моря, достиг совершенного соединения буйных и вулканических движений души и тела. Никто ни до нее, ни после не мог так наэлектризовать зрителей могучей энергией танца фламенко.

Чуть ли не со дня ее рождения появились легенды и мифы о Кармен Амайе.

Ее отец Франсиско Амайя — «Эль Чино» играл на гитаре, меняя таверны, открытые до утра, «где было много народа и кислого вина». Однажды он взял с собой свою малышку, которой еще не исполнилось и шести лет. Глубокие глаза порывистой цыганочки наполнились слезами радости, когда благодарные посетители оплатили мгновения развлечения и восхищения танцем накрытым в ее честь столом. Она танцевала весь вечер, перебирая босыми ножками и грациозно поднимая руки вверх. Кармен никогда не забывала те ранние встречи со зрителями.

Позже она вспоминала о своем детстве:

«Даже когда мама посылала меня с каким-либо поручением, я шла, отмечая танцевальные шаги».

Изящная и тонкая фигурка Кармен Амайи (она весила сорок килограммов при росте полтора метра) мелькала в барах, закусокных, кафе для пения, где она выступала в своем особом стиле. Она была «чистым

нервом, потоком жизни в маленьком теле». Когда Кармен танцевала, то она танцевала как будто за всех людей своей нации с их вековыми ранами, с их горестями и ритуалами. Это был танец, состоящий из внутренних канонных, которые невозможно было разглядеть. Танец огня, пламени и дыма! Жесты, подобные сверканию звезд!

Себастьян Гаш, великий знаток искусства фламенко, который впервые раскрыл ее талант, писал о ее первых выступлениях на публике:

«Ее называли Ла Капитана. Она была чистокровной цыганкой от кончиков волос до пяток, которые взлетали над гитарой ее отца „Эль Чино“. С кровью фараонов в жилах. Ей едва исполнилось двенадцать лет. Она только-только выросла на метр от земли. На сцене, сидя на стуле, Ла Капитана оставалась безучастной и статуеподобной, гордой и величавой, исполненной невыразимого национального благородства и непроницаемого безразличия ко всему происходящему вокруг нее. Внезапно следовал прыжок. И цыганка уже танцует. Это неопишимо! Душа. Чистая душа. Воплощенные чувства. Сцена вибрировала с неслышанной жестокостью и с невероятной точностью...»

Это был особенный танец. Танец против течения, который перевернул понятие танца фламенко, открывая новые горизонты возможностей для фламенко.

Ее танец отличался неистовостью и огромной мощностью движений — это были драматические вздрагивания и впечатляющие перемещения по сцене.

Можно сказать, что она была антишколой и антиакадемией, и это верно, ибо Кармен поощряла скорость и быстроту и отбрасывала прочь спокойствие и размеренность предыдущих танцовщиц. Известно, что она не нуждалась в академиях, и даже Себастьян Гаш и выдающийся танцовщик фламенко Висенте Эскудеро убеждали ее отца не отдавать Кармен ни в какую академию. Увидев ее танец, Висенте Эскудеро заявил лицам, которые его сопровождали:

«Эта цыганочка сделает революцию в танце фламенко, потому что являет собой синтез двух великих стилей, выплавленных с гениальностью:

- стиля с характерными плавающими движениями корпуса, от пояса до головы;
- стиля, характеризующегося энергичными, неистовыми движениями ног».

Никто до сих пор не достиг быстроты ее сапатеадо. А стремительность в поворотах и разворотах! Где другие делали один разворот, она успевала сделать два. Ее *компас* был стальным, с невероятным чувством ритма и суровым темпом. В вихре движений своим темпераментом она выплескивала все чувства наружу. В такие моменты ею владело истинное дуэнде.

Путь к успеху был открыт и проходил под аккомпанемент гитары отца, хотя в начале ее карьеры он был убежден, что Кармен рождена для пения, а не для танца.

Успех в Барселоне перенес ее в Андалусию, где она предстала перед аудиторией, наиболее сведующей в танце фламенко. В Севилье в одну памятную ночь было ничуть не меньше восторженной публики, чем у Ла Макароны и Ла Малены, благодаря невероятно выразительному танцу этой новой звезды из их нации.

«Это грандиозно!»

— восклицали они восторженно, находясь как бы в наэлектризованном состоянии. Перед ее танцем публика сохраняла почтительное молчание, которое в конце быстро превращалось в водопад похвал и восторгов, изливаемых безмерно. И за этими похвалами стояла гордость за всю нацию.

Однако официальная культура эпохи Франко симпатизировала только ложно приукрашенному андалусскому фольклору, но препятствовала развитию таких видов, как пение и танец фламенко, которые выражали боль, горечь и страдания народа. Диктатор Франко и Кармен Амайя — хрупкая женщина-цыганка генетически левого уклона — вызывали друг у друга отвращение до такой степени, что Франко отказался завизировать поездку ее труппы в СССР.

CARMEN AMAYA

Как могла такая культура признать талант женщины, которая покинула Испанию в 1936 году и отважилась покорить мир, представляя искусство отторгнутых людей?

Когда она вернулась в Испанию спустя одиннадцать лет, то была уже самой известной в мире цыганской танцовщицей.

В течение этого периода она покорила своими танцами все страны Латинской Америки. Ее интуитивный и чистый танец в «диком стиле», где проявлялась суровая и твердая красота стихийности, заставил сдать восторженную Америку. Она пронеслась, как ураган, отвлекаясь от всего, что ее окружало, и останавливая время для тех, кто наблюдал за ее танцем. Кармен была «чистой энергией», которая словно бы не расходовалась, а наоборот, генерировалась благодаря ее танцу.

Гитарист Хуан Антонио Агуэро, муж Кармен Амайи, вспоминал:

«Всех, кто имел счастье увидеть ее танец, приковывало неподражаемое, почти волшебное зрелище».

Она никогда не говорила о прошлом, ее интересовали только танец и пение фламенко. Она не была веселой и откровенной, держала свои чувства в глубине сердца и освобождалась от них лишь в танце. Никогда не жалела денег, сколько бы у нее ни просили. Иногда вслух сожалела, что так и не научилась ни писать, ни читать. Даже цифры на банкнотах не умела разобрать. Известен случай, когда у нее возникли проблемы перед въездом в США, так как она не умела писать и не могла поставить подпись, чтобы пройти таможеню.

В США успех следовал за успехом. При упоминании о ней смешивались фантазия и действительность. Президент США Ф. Д. Рузвельт лично пригласил ее танцевать на приеме в Белом доме. После ее выступления Ф. Д. Рузвельт поблагодарил ее за танец и в знак восхищения подарил ей пиджак, вышитый бриллиантами и драгоценными камнями. По прибытии в отель она разрешила пиджак с бриллиантами на столько частей, сколько было женщин в ее труппе и, раздавая каждой по кусочку, сказала:

«Вы все танцевали и имеете на них такое же право, как и я».

Ей аплодировали на первых представлениях Чарли Чаплин, Грета Гарбо и Артуро Тосканини. Однажды итальянский дирижер Тосканини (1867–1957) отложил репетицию своего оркестра, чтобы посмотреть танец Кармен. После концерта он вошел в ее комнату и, выражая свое восхищение, сказал:

«В своей жизни я не видел артистку с большим огнем!»

А когда звезда Голливуда и немого кино Чарли Чаплин зашел в ее костюмерную и с неопишуемой эмоциональностью сжал ее руки, Кармен сквозь слезы сказала:

«Это большая честь для меня — приехать в Америку для встречи с вами!»

Пилар Лопес (1912), танцовщица фламенко, вспоминала о необыкновенном впечатлении, произведенном на нее танцем в исполнении Кармен в Нью-Йорке:

«Был ли ее танец женским? Был ли мужским? Неважно. Он был уникальным! В ее танце были такая мощь и энергия, которыми, казалось, не могла управлять одна женщина. Ах, какая манера танца!»

Она обладала абсолютным музыкальным слухом и чувством ритма, сочетала гладкий шаг с ударом пяткой и ударом всей ступней. Ее выполнение двойного возврата в *capateado* и постукивание каблуком в такт были уникальными и превосходными. Это был танец, исполняемый с полным физическим напряжением и с постоянным движением рук.

Это были годы, когда Кармен поддерживала идиллические отношения с королем гитары фламенко Сабикасом. В течение девяти лет в Америке они ходили в образе жениха и невесты, пока судьба не разлучила их в Мексике. Кармен, когда затрагивалась эта тема, обычно выглядела немного смущенной:

«Я его уважала. Он был влюблен в меня. Он просил моей руки у моего отца, и на этом все закончилось... потому что мой отец принялся плакать. До того времени я никогда не видела в глазах отца слезы».

Ностальгия, желание увидеть свое небо и свою землю, воспоминания детства постоянно преследовали ее, несмотря на грандиозный успех, популярность и огромное количество денег, заработанных в Америке.

В 1947 году, после одиннадцати лет отсутствия, превратившись в цыганскую танцовщицу, наиболее известную во всем мире, она возвращается в родную Испанию. Первым делом, сойдя с трапа самолета, она поцеловала родную землю.

В следующее десятилетие она покорила всю Европу.

Властная фигура Кармен Амаи на огромных афишах красовалась на фасадах лучших театров Европы. Невозможно было спутать это отточенное и красивое лицо — то был исчезающий классический об-

разец женской красоты. Она была маленькой и хрупкой, но этот недостаток замечался не сразу или мгновенно компенсировался удивительной элегантностью, которая добавляла объем и придавала необычные размеры ее телу.

Это было «лицо пантеры с напористым и решительным взглядом...».

Однажды сама королева Англии посетила один из ее концертов и поклонилась, приветствуя ее, вопреки этикету королевской особы. На следующий день в газетах была опубликована фотография, подписанная:

«Две королевы лицом к лицу».

Однако эта королева искусства отличалась простыми вкусами, оставалась в жизни скромной личностью, благородной и привязанной к своей семье. Ранним утром 1952 года в барселонской церкви Святой Моники она обвенчалась с Хуаном Антонио Агуэро, негритяном, который был гитаристом в ее труппе. Она была безмерно счастлива, и ее взгляд всегда воспламенялся, как и в танце, когда муж входил в дом после многочасового отсутствия. Годы позже он вспоминал:

«В день нашей свадьбы Кармен и я выступали в театре, как всегда. Говорят, что у нас не было медового месяца, но это неправда. Наш медовый месяц длился с того момента, когда мы поженились, до того момента, когда Кармен умерла через одиннадцать лет».

Кармен Амайя, утомленная постоянными переездами, пожелала купить дом, чтобы иметь свой очаг. Это был деревенский дом «Кан Пино» в Бегуре, обращенный на острова Медес, имевший башню, где Кармен хранила свои костюмы для танца. В доме не было ни дверей, ни окон, но был один камин. Соседи, знакомые и друзья приходили пообедать или поужинать в любой час и никогда не сомневались в хорошем приеме, искренности и великодушии хозяйки дома в Бегуре.

В 1959 году Кармен пережила еще один счастливый момент в своей жизни. Она даже отменила турне, чтобы присутствовать на открытии источника в Барселоне, которому дали ее имя. Его открыли на дороге, которая пересекала квартал Соморростро — те самые места, где она бегала в детстве босиком. Здесь она родилась с танцем внутри, с танцем «из золота высшей пробы».

Она много снималась в кино, но съемки ее последнего фильма «Los Tarantos» весной 1963 года были особенно суровыми. Нужно было танцевать босой, при невыносимом холоде. После съемок она почувствовала симптомы старой болезни — почечной недостаточности. Болезнь эта преследовала ее многие годы. Когда она долго не танцевала, то ее здоровье резко ухудшалось, и только танец способствовал выведению токсинов из ее организма. Поэтому она утверждала мужу:

«Буду танцевать, пока смогу устоять на ногах».

И в августе 1963 года, танцуя в нескольких шагах от публики, она обратилась к гитаристу Андресу Батисте:

«Андрес, заканчиваем...»

Это была ночь, которую будут помнить как печально волшебную. Великолепная и разрывающая сердце ночь, когда в последний раз прозвучали аплодисменты лучшей танцовщице в истории фламенко.

¡CARMEN!